

КАТЯ КАЧУР

**КАПЛЯ
ДУХОВ
В ОТКРЫТУЮ РАНУ**

МОСКВА

КАТЯ КАЧУР

**Читайте книги
КАТИ КАЧУР**

Капля духов в открытую рану

Любимчик Эпохи

Ген Рафаила

Желчный ангел

КАТЯ КАЧУР

**КАПЛЯ
ДУХОВ
В ОТКРЫТУЮ РАНУ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К30

Ответственный редактор *А. Цыганкова*

Оформление серии *Е. Петровой*

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Mariya Borisova / Moment / Gettyimages.ru;

© sruilk, klyaksun, tommaso lizzul / Shutterstock.com / FOTODOM
(Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM)

Качур, Катя.

К30 Капля духов в открытую рану : роман / Катя Качур. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-206752-5

В музыкальной школе Н-ска скрипачу Славочке и пианистке Асе пророчили большое будущее. Они были талантливыми, дерзкими и... влюбленными друг в друга. Но властная мать мальчика сделала все, чтобы в этой жизни они не никогда сыграли дуэтом.

Славочка становится мировой сенсацией, русским Паганини, Ася — известной телеведущей и парфюмерным знатоком. Однако за оглушительный успех оба расплачиваются душевной пустотой и одиночеством.

Они отталкиваются друг от друга, чтобы неизменно встретиться вновь. И каждая встреча заканчивается для Славочки невыносимой мукой: у скрипача чудовищно болят пальцы. Это плата за предательство или родовое проклятье? Так или иначе, для маэстро Ярослава Кречета девочка из музыкального детства остается той самой несыгранной мелодией. Успеют ли герои переписать партию своей жизни, пока метроном отсчитывает последние такты?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Качур Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-206752-5

*Все события и герои романа
вымышлены, совпадения случайны.*

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Ночь номер два

Ася долго торговалась и наконец встретила с продавцом в метро. Огромный детина со взглядом ребенка и румянцем на белых щеках передал ей нечто похожее на сейф для не крупного огнестрела. Ася стянула картонную коробку с черной лаковой шкатулки, распахнула ее, словно шкаф с двумя створками, и издала сдавленный звук, который никто не услышал за грохотом прибывающего поезда. В шкафчике, как в гробу, внутри дорогого драпированного шелка покоился флакон с темно-коньячной жидкостью и квадратной крышкой в крупных черных кристаллах.

— По-моему, воняет ужасно, — заговорил парень, но она его не слышала.

Вцепившись мертвой хваткой в шкатулку, не реагируя на неловкого продавца, помогающего придержать коробку, она осторожно начала выковыривать из гроба стеклянного затворника. Флакон поблескивал от тусклого света подземки. На золотой табличке было выгравировано Roja parfums ². «Ночь номер два», — беззвучно произнесла Ася, сняв хрустальную крышку и сделав жирный пшик на запястье. Та-да-а-ам! На клавиши опустились огромные руки Рахманинова, вдох, и соль-ми-

¹ De la nuit 2 Roja — «Ночь номер два» — название духов одного из самых дорогих парфюмеров современности Roja Dove.

норная прелюдия заглушила рев несущихся навстречу друг другу поездов, человеческий гомон и демонический вой сквозняков Московского метрополитена. Ася оторвалась от перрона и полетела в потоке мощного многоголосья древесно-амбровых аккордов, подсвеченная цветочно-пряным нимбом и буквально разрываема на миллиарды маленьких Ась животно-спермовым мускусом, стираксом и кастореумом¹.

— Фу-у-у. Как такое можно нюхать? А я вот собираю кроссовки «Адидас». У меня их сто девять пар. Даже с Олимпиады-80 есть.

— Что? — Ася спустилась на землю. Рухнула с сольминорного облака на мраморный перрон. Полезла в сумку, достала восемь заготовленных пятитысячных купюр.

— Ваше не понимаю, как можно заплатить за это говно сто двадцать косарей в магазине. Маме подарили, она учительница. Готовила одного дебила к экзаменам. А это его родители всучили, лучше бы бабки в конверт положили, ей-богу. А вам че, нравится?

— Это — шедевр, — забормотала Ася, на лице ее всплыла блаженная улыбка. — Здесь больше ста пятидесяти компонентов, здесь мускус натуральный. И струя бобра тоже натуральная. А их запрещено уже всем парфюмерным домам использовать, кроме него. — Ася замолчала, будто боялась произнести имя парфюмера все.

— И вы этим будете поливаться? — спросил детина.

— Нет, что вы, это совсем не носибельно. Это для коллекции. А вы кроссовки только своего размера покупаете?

¹ Стиракс и кастореум — компоненты духов, выделенные из физиологических жидкостей животных.

— Не, не только. Где ж я сорок второй возьму, например, тридцатых годов? Тоже для коллекции собираю. Но они хоть не так воняют, как этот... шедевр. — Он засмеялся своей шутке.

Ася представила ряды ношенных кроссовок и подумала, что запах пота мужских ног можно было бы передать, например, сочетанием землистых пачулей, шафрана, мускуса и жасмина. Да, такого индольного жасмина в духе винтажного «Джоя» Жана Пату¹. Кстати, еще пару лет назад, когда Ася только начала вливаться в жиденькие ряды парфманьяков, слово «индольный» казалось ей прилагательным чего-то чистого и звенящего, как новогодний колокольчик, «дол-ин-дол-ин-дол». Но позже, обосновавшись в среде безумных интровертов, которые фукают на любую новинку и признают только «тот еще „Герлен“, ты же помнишь», выяснилось, что столь романтично обозначается привкус эдакого дерьмеца в аромате. «Ах, мне здесь слегка индолит», — говорят они, имея в виду запах кучки испражнений под благоухающими кустами и деревьями. Вкрапления нечистот, спермы, пота, крови, засаленной кожи в райских куцах всегда особенно будоражили носы этих циников. «Фу, компот, нет изюминки», — говорили они на аромат, не содержащий в себе ничего порочного.

Ася стала остро чувствовать запахи, когда потеряла вкус к жизни. Впрочем, и в детстве в ее восприятии сначала возникало ощущение влажной кожи, чернозема, белой краски, а потом ей в лицо летел новенький футбольный мяч с комом земли из-под носка лысого, как гуманоид, Владика — соседа по даче. Или, приезжая на каникулы в Москву, она любила, стоя на незнакомом

¹ «Д ж о й» Ж а н П а т у — духи Joy Jean Patou, созданные в 1930 году.

перекрестке, закрывать глаза и по запаху угадывать, где находится ближайший вход в метро: из пасти столичной подземки шел особый воздух — смесь железной дороги, мраморных стен, пыльных люстр, колоннад и огромного разношерстного людского толковища. Но раньше Ася не придавала этому большого значения. Мир вокруг был полон картинок, прикосновений, желаний, помыслов, событий. Мир вокруг был центробежен и устремлялся к Асе, хотела она того или нет. А потом, вдруг или постепенно, Ася как-то проворонила этот момент, круглый мир сменил траекторию вращения, оттесняя Асю к краю, а затем и вовсе переставая соприкасаться с этой девочкой, девушкой, тетенькой в очках и с оттопыренными ушами.

Глава 2

Цыпки на руках

Славочка гневно ткнул головкой смычка в спину пианистки, а потом шмякнул по нотам перед ее носом.

— Фальшивишь! — почти взвизгнул он, передернувшись.

Она не обернулась, только стиснула зубы. Славочка Клюев не терпел фальши, он чувствовал неверную ноту всем телом — от горла до пятки, и было втройне обидно, что для него, пятиклассника, новогодний школьный концерт — нечто особенное, а эта четвероклашка будто отбывает наказание. Он брезгливо посмотрел на ее руки. Крупные кисти, которые так хвалили в коридорах учителя («Какие руки! Полторы октавы! Рахманинов в юбке!»). Тыльную сторону ладони покрывали красные, расцарапанные цыпки, словно спину старой жабы — бородавочная короста. Какая мерзость, человек с такими руками не должен быть музыкантом! Его собственные белые кисти с длинными пальцами и изящными ногтями не имели ничего общего с этим убожеством. Славочка вздохнул, приставил скрипку к бархатной подушечке под подбородком, взмахнул смычком и раздраженно рывкнул:

— Со второй цифры!

Дарья Сергеевна, ежась от холода, пристукивая сапожком о сапожок, всматривалась в морозное окно, откуда доносилась скрипка ее сына. Она всякий раз замирала, видя, как изящно он вскидывает смычок,

представляла его слегка покрасневшие пальцы, скользящие по грифу, и натянутый конский волос, мятущийся по струне. Представляла, потому что видеть этого уже не могла: окно первого этажа было довольно высоко от земли. Она всегда тайком от сына приходила послушать его уроки, благо жила неподалеку и обычно в обед возвращалась из магазинов. Поставив авоську с батоном и двумя бутылками кефира на снег, Дарья Сергеевна мечтательно закрывала глаза и думала: как же хорошо, что сшила Славочке эту подушку на шею: выкроила из затертой бархатной юбки ладные куски, оторочила черным атласом, обрезки которого незаметно ухватила в соседнем ателье, и посадила на тонкую резинку из мужниных трусов, закрепив на шее позолоченной застежкой от театральной сумочки. Эта подушечка выгодно отличала сына от скрипачей-одноклассников, у которых упором для инструмента служила пористая мочалка-губка, что продавалась в хозтоварах. Когда они собирались вместе на концертах, сразу было видно музыканта с большим будущим: Славочка казался на голову выше остальных, стоял с прямой спиной и вскинутым подбородком, со стрелками на брюках, в отутюженной накрахмаленной блузке. В кого сын имел такую статью, Дарья Сергеевна не могла даже и предположить. Ее родители и четверо братьев слыли коренастыми деревенскими крепышами, плечистыми и коротконогими. Муж в молодости, возможно, и казался высоким и ладным, но последние десять лет пьянства вытравили из него всю красоту, а из нее — даже память о том, каким интересным он был женихом. Одно раздражало Дарью Сергеевну: Славочке снова в качестве аккомпаниатора дали эту дурацкую Аську Кречетову. Ведь ходила она к учительнице, просила по-хорошему и по-плохому: Любу, дайте ему Любу, светловолосую, тонкую нимфу, они же